

Полина
Рей

Развод Женская интуиция

Полина Рей

Развод. Женская интуиция

«Автор»

2026

Рей П.

Развод. Женская интуиция / П. Рей — «Автор», 2026

Все как в анекдоте - вернулась домой пораньше, а муж нет, не с любовницей. Он отсутствует, как и наша маленькая дочь. На дворе ночь, геопозиция показывает, что Женя в гостях у моей мамы. И вроде волноваться не о чем, если бы не два «но». Он ее терпеть не может. И о том, что поехал в гости с ребенком, почему-то забыл мне сообщить. Вывод один - ехать туда, благо у меня есть ключи. И что меня там ждет, думаете вы? Дочка спит отдельно, мама у себя, а Женя в отдельной комнате. Голый. Здесь просится второе «вроде» - как будто бы не о чем волноваться, правда? Только почему на сердце так беспокойно? Наверное, женская интуиция - не пустой звук, как думаете?

Полина Рей

Развод. Женская интуиция

Все как в анекдоте - вернулась домой пораньше, а муж... нет, не с любовницей. Он отсутствует, как и наша маленькая дочь.

На дворе ночь, геопозиция показывает, что Женя в гостях у моей мамы.

И вроде волноваться не о чем, если бы не два «но».

Он ее терпеть не может.

И о том, что поехал в гости с ребенком, почему-то забыл мне сообщить.

Вывод один - ехать туда, благо у меня есть ключи.

И что меня там ждет, думаете вы?

Дочка спит отдельно, мама у себя, а Женя в отдельной комнате. Голый.

Здесь просится второе «вроде» - как будто бы не о чем волноваться, правда?

Только почему на сердце так беспокойно? Наверное, женская интуиция - не пустой звук, как думаете?

Я всегда знала, что женская интуиция - это не магия и не подарок судьбы. А просто способность слышать тишину между ударами своего пульса. Но в то утро в номере отеля я бы многое отдала, чтобы моё сердце молчало.

Я проснулась оттого, что кондиционер работал слишком громко. А может слишком тихо - я не могла понять. В номере было прохладно, даже свежо, но под одеялом я чувствовала, как по спине ползет липкая, противная испарина.

В ногах комом сбилась простыня - я вертелась всю ночь. В Нижнем было серое утро, за окном шуршали шины по мокрому асфальту, а в груди поселился ком. Он состоял из странных переживаний и волнений, оснований для которых не имелось. И, тем не менее, я их испытывала.

Я села на кровати, пытаюсь поймать ускользающую мысль. Приснилось что-то плохое? Нет. Пустота. Черная яма вместо сна. Я протянула руку к тумбочке, чтобы взять телефон - проверить, не писала ли Вишенка, моя пятилетняя дочь, не прислал ли Женя фото, как они гуляют в парке, например?

Экран был безмолвным. Ни звонков, ни сообщений. Ну и правильно, семь утра, они еще спят.

Я заставила себя встать, подошла к окну. Чужой город уже жил своей жизнью. Куда-то торопились люди с зонтами, мигали светофоры. Мы с Арсением, моим коллегой, должны были лететь обратно только завтра. Сегодня финальная встреча с партнерами, подписание бумаг, ужин. Все по плану.

Но внутри этот противный ком пульсировал, отдавая холодком в кончики пальцев.

Я набрала Женю. Гудки шли долго, на четвертом он ответил сонным, хрипловатым голосом.

- Алло... Дин? Ты чего? - Он зевнул, и я услышала, как скрипнула кровать.

- Жень, доброе. Просто соскучилась. Как вы? Вишенка спит?

- Спит, конечно. Суббота же. - Он говорил спокойно, ровно, даже слишком обычно. - Мы вчера допоздна мульты смотрели. Все хорошо, Дин. Не переживай.

Все хорошо. Фраза, больше похожая на мантру. Я сама так часто говорила маме, когда та звонила и спрашивала, не устала ли я от бесконечной запарки на работе.

- Ладно. - Я сплотнула. - Целую. Передай, что позвоню вечером.

- Ага. Будь осторожна.

Он отключился. Я стояла с телефоном в руке и чувствовала, что ком в груди не растаял. Он стал ещё больше и это происходило вопреки всем доводам здравого рассудка.

В дверь постучали. На пороге стоял Арсений с двумя стаканами кофе в картонном под-
стаканнике. Светловолосый, улыбочивый, в идеально выглаженной рубашке. С ним было легко.
Мы работали вместе три года, и он всегда чувствовал, когда мне нужна помощь, а когда - про-
сто тишина.

- Доброе, Динчик. Ты как? - Он протянул мне кофе. - Выглядишь так, будто всю ночь
спасала мир.

Я усмехнулась, принимая стакан. Тепло обожгло ладони. Кофе был черный, без сахара
- Арс знал, как я люблю.

- Спасала? Нет. Просто не очень хорошо спала. Слушай, у меня такое странное чувство...

Я замялась, подбирая слова. Это было трудно объяснить даже себе, а уж мужчине, кото-
рый смотрит на тебя чуть более преданно, чем следовало бы, и подавно.

- Какое?

Он прошел в номер, сел в кресло у окна, не спрашивая разрешения. Это было по-друже-
ски, по-свойски.

- Тревожно. - Я честно посмотрела на него. - Знаешь, бывает такое... физическое ощу-
щение, что что-то не так. Как будто я здесь, а душа - уже там, дома. И скребется.

Арсений нахмурился. Он знал меня достаточно хорошо, чтобы не списывать это на жен-
ские капризы или предменструальный синдром.

- Думаешь, что-то с ребенком?

- Не знаю. Женя сказал, все нормально. Но голос... нет, голос нормальный. - Я запустила
руку в волосы, растрепывая их ещё больше. - А если нет? Слушай, я хочу улететь сегодня.

Арсений не удивился. Он вообще умел поражать меня своей реакцией. Мужчина, кото-
рый вместо того, чтобы сказать «успокойся, придумываешь», просто ставил кофе на стол и
доставал телефон.

- Давай куплю билет. Я посмотрю, что есть.

- Но у нас же встреча, переговоры... - начала я, чувствуя благодарность и вину одновре-
менно.

- Дина, - перебил он мягко, но твердо. - Ты подпишешь бумаги по скайпу, если что. Я тут
останусь, дождю. Если у тебя там «скребется», значит, надо лететь. Я серьезно.

Я смотрела на него и думала о том, как же несправедлива жизнь. Такой хороший, надеж-
ный человек, а до сих пор один. Нет, девушки рядом с Арсом имелись, причём ходили кругами
толпами, но это, как сам он говорил, были ничего не значащие эпизоды.

- Спасибо, - выдохнула я.

Арсений улыбнулся, но в глазах мелькнула тень. Быстрая, как вспышка молнии. Он кив-
нул на дверь в ванную.

- Собирайся. Сейчас у нас важная встреча, а твой рейс в четыре. Билет я взял. И Дина...

- Что? - обернулась я уже на пороге.

- Ты правильно делаешь. Материнское сердце - это не шутки. Или женское. Неважно. Ты
делаешь всё верно.

В самолёте меня трясло. Буквально, а не от турбулентности. Я ловила на себе взгляды
стюардесс, проверяла ремень, пила воду. Мыслями была уже не в этой железной клетке, летя-
щей сквозь облака, а в своей прихожей, где пахнет ванилью и Жениным парфюмом.

В такси по ночному городу я гнала водителя, хотя понимала, что это глупо. Наручные
часы показывали половину двенадцатого. Виолетта спит. Женя, наверное, смотрит телек или
читает в гостиной. Я представляла, как открою дверь, пройду в комнату, поцелую сладко пах-
нущую макушку дочки, а потом уткнусь носом в Женино плечо.

Лифт в нашем доме работал медленно. Его я тоже мысленно подгоняла, хотя и понимала,
что это совершенно бесполезно. Ключ с первого раза не попал в замочную скважину - руки
дрожали.

Дверь открылась.

В прихожей горел ночник. Женькины кроссовки находились на месте, а вот ботиночки Вишенки почему-то отсутствовали. А ещё здесь было слишком тихо и темно.

- Жень? - позвала я шепотом, боясь разбудить дочь. - Я дома.

Тишина. Такая густая, что закладывало уши. Я сбросила туфли, прошла напрямик в нашу спальню.

Кровать была заправлена. Идеально, по-гостиничному гладко. Ни одной складки. На Жениной половине тумбочка пуста - нет его книг и зарядки от телефона. Я метнулась в детскую.

Здесь тоже горел ночник - смешной, в виде луны. Виолетта боится темноты, мы всегда оставляем., даже днём.

Кровать дочери была пуста. Её личные вещи тоже пропали.

Я вышла обратно в коридор, остановилась напротив зеркала. Из рамы на меня смотрела бледная женщина с растрепанными волосами и встревоженными глазами. Я не сразу узнала себя.

- Так, - сказала я вслух. Голос прозвучал хрипло, но ровно. - Спокойно.

Я достала телефон. На часах половина первого ночи.

Сначала набрала Женю. Длинные гудки уходили в пустоту, пока механический голос не сообщил, что абонент временно недоступен.

Потом свекровь. Может, Женя повез Виолетту к ней? Глупость, конечно, он бы наверняка мне сообщил, но вдруг...

Трубку не взяли.

Потом Виолеттин детский телефон, который она таскает в рюкзаке и вечно забывает заряжать. Тишина.

Я опустила на корточки прямо у двери, прислонилась спиной к стене. Паркет был холодным даже сквозь джинсы. В прихожей пахло моими духами - я брызнула их ещё тем утром, когда вылетала в командировку, запах так и остался висеть.

Показалось, что вокруг меня разливается пустота.

Я попыталась вспомнить наш последний разговор. Он сказал: «Не переживай». Голос был... обычный? Или нет? Я отматывала воспоминания, пытаюсь понять, где произошла та самая точка невозврата, после которой я стала вся состоять из волнений? Ничего понять не могла...

- Черт, - выдохнула и растёрла лицо ладонями.

Может, я о чём-то забыла? Может, они у соседей? У Жениного друга? У Виолетты день рождения через две недели, они могли поехать выбирать подарок? Ночью? Бред.

Я заставила себя встать, подошла к Жениной тумбочке. Выдвинула ящик. Паспорт? На месте. Деньги? Тоже. Значит, никуда далеко они не уехали.

Тогда где мне их искать?

В голове было пусто и гулко, как в этом коридоре. Я смотрела на закрытую дверь спальни и вдруг поняла: я не знаю, что делать дальше. Звонить в полицию? Сказать - пропали муж и дочь, хотя вещи на месте, а муж сам брал трубку несколько часов назад? Меня не примут всерьез.

Или примут?

Я заставила себя дышать ровно. Раз - вдох. Два - выдох. Женя не брал трубку, но это ничего не значит. Мог оставить телефон в машине. Мобильник мог разрядиться. Мог...

Стоп.

Локация.

Мы включили ее года два назад, когда я разбила телефон в чужом городе и полдня не могла найти такси, потому что не помнила адрес гостиницы. Женя тогда сказал: «Все, хватит.

Чтобы я всегда знал, где ты и как тебя найти». И себе заодно поставил. «Семейный доступ». Я сначала отнекивалась, говорила, что это паранойя, но потом привыкла. Удобно же - видеть, где Виолетта с няней, где Женя, когда задерживается на работе.

Я полезла в телефон, пальцы дрожали - пришлось стиснуть экран сильнее, чтобы попасть в нужное приложение.

Загрузка.

Карта подгружалась медленно, крутилось колесико, и я считала про себя: раз, два, три, четыре...

Потом точка всплыла.

Зеленая. Женин аватар.

Я смотрела на экран и не сразу поняла, что вижу. Это был не наш дом. Не офис. Не маршрут. Это был адрес на окраине города, старый, из детства.

Адрес моей мамы.

Но и это какой-то бред! Женя ненавидит мою мать. Это не фигура речи, а доказанный факт. Они как кошка с собакой - причём запертые в одной клетке.

Каждый семейный ужин, теперь уже крайне редкий, заканчивается тем, что Женя молча собирает посуду и уходит на кухню, а мама уезжает домой и потом полчаса шипит мне в трубку: «Я тебе говорила, он не тот человек, он высокомерный, он смотрит на меня как на пустое место».

Я всегда защищала его. Говорила: мам, ты сама провоцируешь, но она не слушала. Моя мать вообще редко слушает - она любит говорить. О своих любовниках, которые вечно оказываются козлами. О своей работе, где ее недооценивают. О своей жизни, которая не задалась. И о моем муже, который, по ее мнению, тоже не подарок.

«Он тебя не ценит, - выдыхает она в трубку в такие моменты с интимной интонацией, будто делится секретом. - Я же вижу, дочка. Ты достойна большего».

Я злилась. Вешала трубку и потом перезванивала лишь через несколько дней, но осадок оставался.

И теперь он там. С ней. С нашей дочерью. Посреди ночи.

Я перечитала адрес еще раз. Ошибка? Приложение глючит? Я обновила карту. Точка не сдвинулась. Мамин дом, старая панельная девятиэтажка в спальном районе, где прошло мое детство.

Я снова прокрутила в памяти ёнаш последний разговор. Женя сказал: «Не переживай». Не «мы у тещи». Не «мы решили навестить бабушку». Просто «не переживай».

Если бы они собирались к маме, он бы сказал. Он всегда говорит. «Заеду к родителям», «отвезу Виолетту к свекрови», «мы на детской площадке». Мы так договорились с самого начала - чтобы я знала, где мой ребенок. Это базовое правило.

Он бы сказал. Обязательно.

Но этого не произошло...

А абсурд ситуации подпитывался пониманием, в каких именно отношениях он находится с моей мамой.

Он туда ногой не ступает даже в новогодние праздники, отговариваясь работой. А тут - приехал сам, повез Виолетту, остался ночевать?

Я в это не поверила бы, если бы кто-то сказал мне о подобном факте... Однако я же видела всё своими глазами.

Я заставила себя встать. Ноги слушались плохо, я была вся сосредоточена на мыслях о странностях поведения Жени.

У меня имелись ключи от маминой квартиры. Родительница сама вручила мне их лет пять назад, после того как потеряла свои в третий раз за месяц. «Будешь запасным вариантом,

дочка». Я тогда усмехнулась, но ключи взяла. Они лежали в ящике в прихожей, рядом с зарядками и старыми квитанциями.

Я нашла их и бросила в сумку. Решение ехать к матери было кристально чистым и казалось единственно верным.

Выходя из дома, я обернулась. Наша квартира оставалась позади, но уже не казалась мне оплотом спокойствия и безопасности.

Ночник в детской все горел - луна улыбалась в пустоту.

Я закрыла дверь за собой.

Такси поймала быстро - мне повезло, несмотря на ночь. В машине молчала, смотрела в окно на город, на желтые фонари, на редкие машины. Водитель что-то спросил, я не расслышала. Переспросил - я мотнула головой: нет, ничего не надо.

Мысли путались.

Может, мама заболела? Может, случилось что-то, и Женя не хотел меня пугать в командировке? Решил сам разобраться, а утром сказать? Тогда почему не отвечает на звонки? Почему телефон вне зоны?

Или Виолетта? Господи, только не Виолетта.

Я сжимала пальцы так, что в костяшках угнездилась противная тупая боль.

Дом матери встретил меня запахом сырости и кошек. Подъезд старый, лифт дребезжит, лампочка на лестнице моргает. Я поднялась на четвертый этаж, остановилась перед знакомой дверью с облупившейся краской.

Тишина.

Я вставила ключ. Повернула медленно, беззвучно. Замок щелкнул и почудилось, что этот звук схож с выстрелом в полнейшем безмолвии. Я замерла, прислушиваясь. В квартире было абсолютно тихо.

В прихожей темно, только из-под двери в комнату пробивается тусклый свет. Пахнет мамиными духами - дешевыми, приторными, «Шанель №5» с рынка, как она шутит. И еще чем-то... как будто бы чужим.

Я разулась и прошла по холодному линолеуму. Заглянула в комнату мамы.

Она спала. Свернулась калачиком под старым пледом, на тумбочке горел ночник. Лицо спокойное, даже умиротворенное. Рот приоткрыт, тихое посапывание. Ничего не случилось. Никто не умер, никто не болел.

Я выдохнула. Шагнула дальше.

Комната Виолетты - бывшая моя, мама ее превратила в гостевую, но для внучки поставила кровать. Дверь была приоткрыта и я заглянула внутрь.

Вишенка спала очень крепко, раскинув руки, во сне чмокала губами. Рядом сидел её любимый щенок из плюша. Без него она никуда. Значит, забрали игрушку из дома специально, знали, что едут с ночёвкой.

Я прикрыла дверь и пошла дальше. Оставалась последняя комната - та, что мама называет «залом», хотя размером он со спичечный коробок. Но это, наверное, советская привычка - когда в квартире непременно должен быть «зал».

Я вошла в него и увидела картину маслом: Женя спал на диване голый. Причём абсолютно! Он расположился лицом к спинке, уткнулся носом в подушку. Одеяло сползло на пол, открывая его целиком - знакомую спину, поясницу, длинные ноги.

Я замерла в дверях, глядя на мужа.

Рядом с ним никого не было, хотя почему-то именно эта мысль и мелькнула у меня в голове - а вдруг увижу его не одного?

Я выдохнула. Сама не заметила, что не дышала всё это время.

Обернулась. Вроде бы все на своих местах и в своих кроватях. Но нюансы имелись, причём весьма кричащие.

Я перевела взгляд обратно на диван - на голого мужа в квартире моей матери, которую он на дух не переносит.

Это же надо было так постараться, чтобы создать ситуацию, которая звучит как начало глупого анекдота. «Возвращается жена из командировки, а муж...» Только в анекдоте он хотя бы с любовницей. А тут - просто голый у тещи. Потому что ну а почему бы и нет?

Я стояла в дверях и чувствовала, как внутри все сжимается - не от ревности или обиды. А от странного, липкого холода, который не имел логического объяснения.

Вроде бы не о чем волноваться, правда?

Правда.

Но я все равно не могла заставить себя шагнуть внутрь. Да и не видела смысла будить Женю посреди ночи и требовать каких-то пояснений.

Постояла еще минуту - муж пошевелился, перевернулся на другой бок, и я машинально отвела взгляд.

В комнате Виолетты я включила ночник - тот самый, с луной, он здесь тоже был, мама купила такой же для внучки. Вишенка спала, улыбаясь чему-то во сне. Я поправила на ней одеяло, поцеловала в макушку - пахло нашими домашними шампунями, нашим домом.

Рядом стояло старое раскладное кресло, еще с моего детства. Я разложила его, нашла в шкафу плед и подушку. Ложиться рядом с Женей? Нет. Не сейчас. Я не знала, что здесь происходит, но ночью, в темноте, выяснять точно не хотелось.

Утром разберусь на свежую голову, тем более, что теперь вроде как стало относительно спокойно на душе.

Я легла, укуталась с головой, закрыла глаза. Мысли снова стали противными и липкими: почему он голый? Почему у мамы? Почему не сказал?

Я всё же сосредоточилась на делах, которые уже завтра надо будет дорешать. И это хоть немного вернуло меня в рамки трезвого разума. А после я сама не заметила, как провалилась в сон.

Разбудил меня запах.

Яичница и кофе. Настоящий, свежий, тот самый, который Женя варит по утрам в выходные, когда хочет сделать мне приятно.

Я села в кресле, спустила ноги на пол. За окном уже светло. Часы на телефоне показывали девять утра. Из кухни доносился звон посуды, шум льющейся воды.

Я встала, накинула плед на плечи и пошла на звук.

На кухне было солнечно. Мамины занавески в цветочек, старый стол у окна, на плите шипит сковорода.

Женя стоял возле неё в одних трусах, босиком, и сосредоточенно переворачивал яичницу лопаткой. На столе - две тарелки, две чашки, нарезанный хлеб, масло.

Для двоих. И, скорее всего, не для Вишенки - ведь кофе она не пьёт...

Он обернулся, потому что услышал шаги, и я увидела, как его лицо меняется.

Сначала муж просто смотрел, потом его глаза расширились, а рот приоткрылся. Он замер с лопаткой в руке, как статуя, и в этом застывшем лице я прочитала все: шок, растерянность и - да, испуг. Самый настоящий, от которого зрачки бегают, не могут остановиться.

- Дина? - выдохнул он севшим голосом. - Ты... как здесь оказалась?

Он отложил лопатку, потому что показалось, будто она вот-вот может соприкоснуться с полом, попросту выпав из его руки.

- Приехала, - сказала я ровно. - Ночью.

- В смысле - ночью?

Он стоял и смотрел на меня, забыв про яичницу. Та, кажется, даже начинала подгорать, если судить по запаху.

- В прямом. Прилетела раньше, решила сделать сюрприз.

- А где ты спала?

- У Виолетты в комнате.

Женя моргнул. Несколько раз. Потом вдруг лицо его пошло красными пятнами - я знала эту реакцию. Так начиналась агрессия, когда он не понимал, что сказать, когда был загнан в угол.

- С ума сошла? - Голос его стал громким и жестким. - А позвонить? Предупредить? Я бы тебя встретил, я бы...

- Я звонила, - перебила в ответ. - Ты был недоступен.

- Батарейка села! - отрезал он. - Но можно было додуматься! Ночью одна, с чемоданами, куда ты полезла? А если бы что-то случилось? Почему ты не осталась у нас в квартире?

Я смотрела на него. На голые ноги, на красные пятна на шее, на бегающие глаза.

- Я хотела сделать сюрприз, - повторила медленно. - А ты, я смотрю, уже завтрак готовишь. На двоих.

Женя дернулся, обернулся к плите, выключил конфорку. От сковороды уже валил дымок.

- И что? - процедил он. - Мы с твоей мамой встали, она пошла умываться, я решил приготовить, пока она в душе... Почему ты вообще приехала? У тебя же была командировка!

- Раньше закончилась.

- И ты промолчала? - Он снова повернулся, и в глазах уже не было испуга - только злость.

- Ты вообще понимаешь, что это странно? Заявиться без предупреждения, шастать ночью по чужой квартире?

Я усмехнулась, хотя внутри всё кипело - вот тебе и встреча с любимой женой...

- По чужой? Жень, это квартира моей матери.

- И что? Надо предупреждать! - Он повысил голос, и я увидела, как дернулась жилка на виске. - Нормальные люди предупреждают! А у тебя вечно все по-своему!

Я молчала. Смотрела, как он мечется взглядом по кухне - по стенам, по столу, по моему лицу - и нигде не может зацепиться.

- Я у себя дома, - сказала тихо. - Имею право приехать в любой момент.

Женя открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент в коридоре послышались шаги.

Из полумрака прихожей выплыла мама. Запахнутый халат - шёлковый, с драконами, я помнила его ещё с прошлого года, она покупала его на распродаже и очень гордилась. Волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбивались платиновые пряди. Лицо без макияжа, но она умела предъявлять миру и такую версию себя - чуть капризную, чуть уставшую, но всё равно красивую.

Маме сорок два. Она говорит об этом открыто, с вызовом, и добавляет: «Мои лучшие годы ещё впереди». И правда - за ней до сих пор бегают мужчины, она ходит на свидания, строит планы, живёт так, будто ей всё ещё двадцать пять. Косметолог два раза в месяц, массажист, уколы красоты - на подтяжку лица она ещё копит, но в остальном держится молодцом. Стройная, лёгкая, с той породой, которую не купишь.

- Женя, ты с кем там... - начала она тихо, почти шёпотом, и замерла.

Увидела меня.

Я смотрела, как меняется её лицо. Сначала непонимание, потом шок, потом - это странное, неуловимое движение глаз, почти как у моего мужа. Они забежали - по мне, по Жене, по кухне, снова по мне. Рот приоткрылся, но звука не было.

- Дина? - выдохнула она наконец. Голос сел, как у Жени минуту назад.

- Привет, мам, - сказала я.

Пауза повисла в воздухе густая, почти осязаемая. Женя застыл у плиты в своих трусах, мама - в дверях, я - между ними.

- А ты... когда явилась? - мать моргнула, явно пытаясь собраться. - Мы не ждали...

- Я заметила, - кивнула, глядя мрачно. - Ночью приехала. Вы все так крепко спали, что не слышали.

Мама перевела взгляд на Женю слишком быстро. И в этом взгляде было что-то такое, отчего у меня внутри всё сжалось.

- Так, - я шагнула вперёд, ближе к столу. - Может, кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

Ответом мне было молчание.

Женя смотрел в пол, а мама вдруг выпрямилась, одёрнула халат, поправила волосы - и я увидела, как она берёт себя в руки. Это было видно физически: плечи расправились, подбородок приподнялся, лицо приняло привычное выражение лёгкой надменности, за которой она всегда прятала неуверенность.

- Ничего такого, дочка, - сказала она ровно, даже ласково. - Чего ты сразу с вопросами? Всё нормально.

- Нормально? - Я повела рукой в сторону Жени. - Мам, твой зять, которого ты терпеть не можешь, стоит на твоей кухне в трусах и жарит яичницу. На двоих. А ты выходишь из спальни заспанная. И вы оба смотрите на меня так, будто я призрак.

Мама вздохнула, покачала головой - мол, вечно ты драматизируешь. Подошла к столу, села на стул, закинула ногу на ногу. Халат распахнулся, открывая стройные ноги.

- У вас дома унитаз сломался, - сказала она просто, как о чём-то само собой разумеющемся. - Он позвонил, попросился переночевать с Виолеттой. Я не могла отказать, внучка же. Вот и всё.

Я перевела взгляд на Женю. Он всё ещё стоял у плиты, не шевелясь.

- У нас сломался унитаз?

Женя дёрнул плечом.

- Ага. Вечером. Вода перестала сливаться, я решил не мучиться, чтобы ты потом не разбиралась. Позвонил Анне Витальевне, она разрешила.

- И ты не счёл нужным мне сказать?

- Ты в командировке была, - быстро вставила мама. - Зачем тебя дёргать? Ребёнок должен спать в нормальных условиях, а не в квартире с неработающим туалетом. Мы же взрослые люди, договорились, переночевали - и всё.

Она говорила легко, убедительно. Если бы я не знала их обоих, наверное, поверила бы.

- А почему ты спал голый? - спросила я у Жени.

Он покраснел. Снова эти пятна на шее.

- Жарко спать. Всегда так сплю, ты знаешь.

- Да. Всегда. У себя дома.

- Ну прости, не надел пижаму в гостях. Только давай не раскручивать этот факт до состояния драмы.

Мама вдруг хлопнула ладонью по столу.

- Так, всё. Хватит допросов! Женя, подавай завтрак. Дина, молчи и ешь. Сейчас поедим, и я хочу знать, как прошла командировка, а не вот это вот всё.

Она посмотрела на мужа - мельком, но я поймала этот взгляд. И он ответил. Тоже мельком. Секундный обмен, быстрый, как удар пульса.

Говорить ничего не стала - вот останемся с мужем наедине и всё проясним.

Женя молча выбросил подгоревшую яичницу в мусорку, достал новую сковороду, разбил яйца. Мама рассказывала, какие у неё планы на неделю - встреча с подругой, шопинг, может быть, новые знакомства. Голос её журчал ровно, спокойно, как будто ничего не случилось.

Я слушала вполуха. Наблюдала за тем, как Женя ставит перед мамой тарелку с аккуратной яичницей, как пододвигает ей чашку с кофе, как она благодарит его лёгким кивком.

Для себя он готовить не стал. Обеспечил нас завтраком, поставил сковороду в раковину и сел на свободный стул, подальше от меня.

- А тебе? - спросила я.

- Я потом, - буркнул он. - Не хочу.

Мама взяла вилку, отломил кусочек хлеба и вдруг, будто вспомнив что-то важное, сказала:

- Женя, ты бы подал молоко из холодильника. Дина пьёт кофе исключительно с ним.

Он встал, открыл холодильник, достал пакет. Поставил на стол передо мной. Мама улыбнулась зятю - благодарно, тепло, почти интимно.

Я смотрела на них и чувствовала, как внутри разрастается холод.

Что-то здесь было не так. Совсем не так. Но что именно - я не могла понять.

Мы позавтракали в тишине, если не считать маминого щебетания. Она рассказывала о каком-то новом поклоннике, который моложе её на десять лет, о планах на лето, о том, что соседи сверху опять заливают. Женя молча пил кофе, глядя в одну точку за окном. Яковырялась в тарелке, хотя яичница у него получилась идеальной - как всегда.

- Я в душ, - мама вдруг встала, затянула пояс халата и бросила взгляд на Женю. - Ты пока собери там всё.

Слова прозвучали как приказ. Это было так странно - особенно тот факт, что муж вообще никак не отреагировал, кроме того, что просто кивнул головой.

А я-то думала, он сейчас расскажет, куда мама может идти со своими указаниями.

Мама вышла, а мы остались вдвоём за столом, и тишина стала другой - липкой, тяжёлой. Женя допил кофе, поставил чашку на стол и поднялся.

- Пойдём в зал, - сказал он буднично. - Поговорим.

Это предложение порядком удивило. Я думала, что он сделает вид, будто ничего не произошло, но муж сам вызывал меня на беседу. От этого понимания стало как-то не по себе.

- Пойдём, - просто пожала я плечами и поднялась следом.

В «зале» тоже пахло маминым парфюмом. Этот аромат показался таким удушливым, что я едва не закашлялась.

Женя сел на диван - на то самое место, где спал голым совсем недавно. Я опустилась в кресло напротив. Мелькнула мысль, что хотелось бы снова укрыться пледом - тем самым, который я бросила на кухне.

Женя молчал. Смотрел на меня - и я вдруг увидела в его глазах что-то знакомое. Ту самую нежность, с которой он встречал меня из роддома. Ту самую теплоту, которую всегда проявлял ко мне.

Он протянул руку и накрыл мою ладонь своей. Тепло его руки было таким привычным и родным, что от этого даже сердце застучало ровнее.

- Дин, - сказал он тихо. - Ну чего ты? Правда всё нормально.

Я молчала.

- Понимаю, со стороны всё выглядит странно, - он усмехнулся, качнул головой. - Но реально просто унитаз сломался. Вечером, перед сном. Я звоню тебе - ты не берёшь. Ну, думаю, ладно, не дёргать же в командировке из-за такой ерунды. Позвонил Анне Витальевне, она сказала - приезжайте. Я Вишенку собрал быстро, игрушку её взял, пижаму - и сюда. Всё.

- А голым-то почему спать стал? - спросила я. - Мама ведь и зайти могла...

Он вздохнул, но не отвёл взгляда.

- Жарко. Духота у неё в квартире. Ты же знаешь, я всегда так сплю, когда тепло. Ну, стесняться я тут никого не собирался, думал, утром встану раньше всех, оденусь - и никто не увидит. А ты приехала.

Он сжал мои пальцы.

- Ты приехала, - повторил он мягче. - И я, если честно, сначала офигел. А потом... обрадовался. Правда. Очень соскучился.

Я смотрела в его глаза и в них было тепло. В них была правда. Или то, что я так хотела принять за неё.

- Почему телефон недоступен был?

- Батарейка села. Я его в машине оставил на зарядке, а провод, кажется, отошёл. Утром увидел - ноль процентов. Сейчас валяется на комод, заряжается.

Я молчала. Всё вроде бы сходилась и даже было логичным. И всё равно внутри сидел этот холод, этот ком, который не таял от его тёплых пальцев на моей руке.

- Дина, - он подался вперёд, коснулся моего лица свободной рукой. - Ну прости, что не предупредил. Глупо вышло. Но реально - ничего не случилось. Вишенка проснётся, мы с ней позавтракаем, а потом втроём поедem домой, я унитаз почию, и будем жить дальше. Хорошо?

Он смотрел на меня с такой надеждой, что я кивнула.

- Хорошо.

Женя улыбнулся, потянулся поцеловать меня - я позволила. Губы у него были тёплые, пахли кофе. И на секунду мне действительно показалось, что всё правда. Что я напридумывала себе лишнего. Что женская интуиция - просто нечто эфемерное, ненастоящее.

Но когда он отстранился, я снова увидела этот его быстрый взгляд в сторону ванной - туда, где шумела вода, где мама принимала душ.

- Я пойду Вишенку разбужу, - сказала я и встала.

Дико захотелось отсюда уехать и действительно продолжить жить нашу жизнь. Уже без этих наваждений...

Женя кивнул, откинулся на спинку дивана, потянулся.

- Давай. А я пока оденусь.

В комнате Виолетты было тихо и тепло. Дочка всё ещё спала, поджав под себя одну ногу - её любимая поза. Щенок из плюша лежал рядом, прижатый к щеке.

Я присела на край кровати, погладила её по голове.

- Вишенка, - позвала тихо. - Просыпайся, малыш. Домой поедem.

Она завопилась, сморщила нос, приоткрыла один глаз.

- Мама? - голос сонный, удивлённый. - Ты тут?

- Сюрприз! - улыбнулась я. - Вставай, зайка. Папа завтрак приготовил.

- А где мы? - она села, протирая глаза кулачками. - Это у бабушки?

- Да. Вы с папой в гости приехали.

- А-а, - зевнула Виолетта. - Я хочу кашу.

- Будет тебе каша.

Я помогла ей встать, натянула платье, которое лежало на стуле. Вишенка топала босыми ногами по полу и тараторила что-то о своих снах, о том, как она хочет домой к игрушкам. Я слушала вполуха, кивала.

Когда мы вышли в коридор, мама уже была на кухне - одетая, причёсанная, с ярко накрашенными губами. Она сидела за столом с чашкой чая и улыбалась.

- Внученька моя! - пропела она, протягивая руки. - Иди к бабушке, поцелуй.

Виолетта подбежала, чмокнула её в щёку и сразу же потребовала кашу. Мама засуетилась, достала какую-то коробку, начала греть молоко. Женя уже был одет - джинсы, футболка, всё как всегда. Он сидел за столом и пил вторую чашку кофе.

Я стояла в дверях и смотрела на эту картинку: мама хлопочет с кашей, Женя пьёт кофе, Виолетта лепечет что-то про сны. Такая обычная правильная картина, что от неё узел в груди стал ослабевать.

Жаль только - ненадолго.

Через час мы собрались. Мама чмокнула Виолетту в обе щеки, Жене кивнула сухо, мне на ухо шепнула: «Звони, не пропадай».

В такси я сидела с Виолеттой на заднем сидении, смотрела в окно и молчала. Женя впереди листал телефон, иногда поглядывал на меня через плечо, но ничего не говорил.

Дома было тихо, и вроде как даже спокойно. Виолетта сразу убежала в детскую - проверять своих зайцев и мишек. Я стояла в прихожей, разувалась медленно, чувствуя, как холодный паркет под ногами возвращает меня в реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.